

Лариса Александровна Крушанова¹ (larrie@list.ru)

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМ 1990-х гг. НА ДИНАМИКУ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Статья раскрывает влияние либерально-радикальных реформ на изменения количественных и качественных характеристик трудовых ресурсов Дальнего Востока в конце 1980-х — 1990-е гг. Выявлено, что эта динамика развивалась под воздействием как остаточных явлений советской эпохи, так и процессов постсоветского времени. Существенным фактором воздействия на состояние труда в регионе в 1990-е гг. было сохранение отраслевой специфики экономики — доминирование добывающей промышленности и военно-промышленного комплекса. К концу советского периода здесь был сосредоточен трудовой потенциал с достаточно высокими качественными характеристиками. Например, уровень образования населения превышал общие показатели по РСФСР. Автор подробно рассматривает реализацию конверсии и развитие кооперативов, ставшие предшественниками приватизации и частной собственности. Реформы внесли существенные коррективы в социально-экономическое развитие Дальнего Востока, привели к резкому снижению качества жизни дальневосточников, а также перераспределению трудовых ресурсов из государственного сектора экономики в частный, активно освоивший сферу торговли и услуг. Особое место в экономике стали занимать фирмы-посредники. Были вскрыты негативные последствия реформаторского курса в сфере занятости населения региона, а также в сужении производства товаров не только военного, но и гражданского назначения. Сделан вывод о том, что программа развития региона пореформенного периода оказалась трудновыполнимой, в том числе из-за перераспределения трудовых ресурсов из одного сектора экономики в другой, а также оттока населения в другие российские регионы.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, трудовые ресурсы, конверсия, реформы, 1990-е годы.

Larisa A. Krushanova¹ (larrie@list.ru)

INFLUENCE OF THE REFORMS OF THE 1990s ON THE DYNAMICS OF LABOR RESOURCES IN THE RUSSIAN FAR EAST

The article examines the influence of liberal-radical reforms on changes in the quantitative and qualitative characteristics of the labor resources of the Far East in the late 1980s — 1990s. It was revealed that this dynamics developed both

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

under the influence of residual phenomena of the Soviet era, and post-Soviet processes. A significant factor in the impact on the state of labor in the region in the 1990s was the preservation of the sectoral specifics of the economy — the dominance of the mining industry and the military-industrial complex. By the end of the Soviet period, labor potential with sufficiently high quality characteristics was concentrated here. For example, the level of education of the population exceeded the general indicators for the RSFSR. The author examines in detail the implementation of the conversion and the development of cooperatives that have become the forerunners of privatization and private property. The reforms have made significant adjustments to the socio-economic development of the Far East, led to a sharp decline in the quality of life of the Far East residents, as well as to the redistribution of labor resources from the public sector of the economy to the private, actively mastered the sphere of trade and services. Intermediary firms began to occupy a special place in the economy.

The negative consequences of the reform course in the sphere of employment in the region, as well as in the narrowing of the production of goods not only military, but also civil purposes, were revealed. It is concluded that the program of region development of the reform period was difficult to implement, partly due to the redistribution of labor resources from one sector of the economy to another, as well as to the outflow of population to other Russian regions.

Keywords: Russia, Far East, labor resources, conversion, reforms, 1990s.

Несбалансированность трудовых ресурсов ставит под сомнение достижение целей и задач по социально-экономическому развитию государства или отдельных его регионов. Особенно остра эта ситуация на российском Дальнем Востоке. По данным Росстата, численность населения Дальнего Востока в 2018 г. в среднем составляла 8 205 931 чел., тогда как на 1 января 2019 г. — 8 189 261, в 2018 г. регион покинули 16,7 тыс. чел. [22].

В «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» российское правительство определило цели для двух крупнейших регионов: развитие инновационной экономики, комфортных условий жизни, а также закрепление и увеличение численности населения [26]. Однако некоторые специалисты указывают на то, что реализация «Стратегии...» будет возможна только при условии увеличения трудовых ресурсов на 60% от сегодняшних показателей [19].

Существенный вклад в исследование проблемы динамики трудовых ресурсов Дальнего Востока внесли экономисты Б.Ф. Шапалин, В.П. Чичканов, А.Н. Гладышев, П.А. Минакир, В.И. Ишаев, С.Н. Леонов, П.Я. Бакланов и др. Особенностью данного исследовательского направления является анализ трудовых ресурсов в контексте миграционных процессов (Л.Л. Рыбаковский, Е.Л. Мотрич, Ю.А. Авдеев, З.И. Сидоркина, А.П. Латкин). Историки

изучают их сквозь призму социально-экономического развития и уровня жизни в регионе (А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая, С.А. Пискунов, Н.М. Платонова и др.).

Значительный вклад в изучение влияния реформ конца 1980-х гг. на трудовые ресурсы, в частности таких явлений, как конверсия и кооперация, внесли авторы коллективного труда «Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг.» [15]. Оценка приватизации и появления новых экономических структур даны в книге Л.А. Моисеевой и А.С. Ващук «История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX — начале XXI в.» [13].

Высоко оценивая труды предшественников и опираясь на их разработки, целью статьи ставим: раскрыть количественные и качественные изменения трудовых ресурсов на российском Дальнем Востоке под влиянием реформ конца 1980-х — начала 1990-х гг. Данный аспект будет рассмотрен в контексте общей исторической ситуации с использованием сравнительно-исторического метода.

Главную задачу мы определили в раскрытии основных трендов занятости населения Дальнего Востока в канун реформ конца 1980-х гг., особенностей реализации экономических мер российского правительства в регионе в 1990-х гг. В число задач также входит рассмотрение безработицы, перераспределения кадров и уровня их образования.

Отраслевая специализация Дальнего Востока на протяжении многих десятилетий сделала востребованными специалистов рыбной, лесной, цветной, топливной промышленности, машиностроения и других отраслей, отражающих ресурсоориентированную и военно-промышленную специализацию региональной экономики [15, с. 784]. В 1990 г. в структуре народного хозяйства Дальнего Востока в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве было занято 47,9% от общего числа занятых в экономике, в сфере услуг — 52,1% [1].

В то же время на долю предприятий промышленности приходилось 61,1%, сельского хозяйства — около 5%, строительства — 16,5%, транспорта и связи — 12,5%, торговли, заготовок и материально-технического снабжения и прочие отрасли — 5% от ВРП [12, с. 173]. Особое место в структуре промышленности занимали предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК, ВПК), например в Приморье и Хабаровском крае их число составляло до 40% ВРП, а в моногородах — Большом Камне, Арсеньеве (Приморский край), Амурске (Хабаровский край) — не менее 60% [10, с. 133].

В конце 1980-х гг. советское руководство сделало шаги по совершенствованию модели экономических отношений. Была принята «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года» (далее — ДГП) [18]. Провозглашалось, что она должна была стать качественно новым этапом преобразования данных регионов. Суть ДГП сводилась к перестройке

экономики, изменению системы хозяйствования в основном её звене — на предприятии. Применение полного хозяйственного расчёта и самофинансирования, как полагали инициаторы данных преобразований, должно было стать препятствием бездумному растрачиванию заработанных средств и наращиванию производственных мощностей [15, с. 814].

В рамках данной программы правительство пыталось также придать новый импульс развитию отраслей Дальнего Востока, используя выгодное географическое положение и ресурсные возможности региона, и одновременно отработать новые формы хозяйствования в условиях перехода к рыночной экономике. Руководство страны ставило амбициозные задачи — сделать конкурентоспособной российскую, в том числе дальневосточную, продукцию, хотя по существу закрепляло за Дальним Востоком роль сырьевого донора Китая, Японии, Южной Кореи и других восточноазиатских государств. Программа 1987 г. стала невыполнимой практически сразу после принятия [12, с. 191].

В поисках стимулов для роста экономической активности населения власть инициировала возрождение кооперативов, главной задачей которых было восполнить существовавший дефицит товаров первой необходимости и массового спроса, развивать сферу услуг (парикмахерских, такси, кафе, различных мастерских и т.д.). Руководство страны понимало, что в условиях резко возросшего дефицита госбюджета, подорванного антиалкогольной кампанией 1985—1987 гг.² [28, с. 93] и обрушившейся ценой на нефть, важно было увеличить налоговые поступления. Правительство сделало ставку на личную заинтересованность работников. В 1987 г. был принят Закон СССР о государственном предприятии, являвшийся новым шагом в переходе к рыночным отношениям. В 1988 г. вышел Закон СССР № 8998-ХI «О кооперации в СССР».

Ряд специалистов обращали внимание на то, что значительный резерв скрывался в «теновом» секторе экономики. По оценкам советских экономистов, в 1980-х гг. в нём участвовало до 30 млн чел. с объёмом денежных оборотов от 90 до 500 млрд руб. [3, с. 146]. Налогообложение такого количества граждан, имевших многомиллиардные обороты, могло закрыть «дыру» в бюджете, образовавшуюся от недопоступлений от продажи алкогольной продукции и нефти.

Развитие кооперативов в определённой степени легализовало «теновой» сектор экономики. Увеличение их количества было стремительным: если в первом полугодии 1988 г. в стране их действовало 32,6 тыс., то в 1990 г. — 300 тыс. с охватом до 5,6 млн чел. На Дальнем Востоке (вместе

² Согласно отчёту, предоставленному заместителем директора Института экономики переходного периода С. Синельниковым Е. Гайдару, поступления налога с оборота алкогольной продукции за 1985 г. составили 33,3 млрд руб. (примерно 4,3% ВВП страны). См. подробно [24]. Во время действия антиалкогольного законодательства государственный бюджет недополучил торговой выручки на сумму: в 1985 г. — 18,3 млрд руб., а в 1986 г. — 49,6 млрд руб. [28, с. 93].

с Якутией) в 1992 г. функционировало 5333 кооператива [13, с. 25—26]. С 1988 по 1990 г. число действующих кооперативов здесь выросло с 443 до 8928, а численность занятых в кооперативном секторе — с 4 тыс. до 235,2 тыс. чел. [АИЭИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 146. Л. 95]. За 1991—2000 гг. количество кооперативов увеличилось в несколько раз: например, в Хабаровском крае в 15 раз (с 575 до 8278), в Приморском — в 8 раз (с 2279 до 16 067) [13, с. 322—323], одновременно росла и численность их работников.

Одной из мер экономического преобразования, оказавших существенное влияние на развитие Дальнего Востока, стала конверсия. Её внедрению способствовали внешнеполитический курс СССР и политика США, направленные на разрушение военного потенциала СССР. Начало этим преобразованиям положил советско-американский договор 1987 г. о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, ставший результатом политики разрядки и положивший начало реформе конверсии 1988—1990-х гг. Часть аналитиков, журналистов, учёных, политиков в СМИ доказывала «благость» конверсии для каждого советского гражданина³, другая — предсказывала негативные последствия перевода высококвалифицированных специалистов из сферы военной промышленности, отмечала вклад ВПК в производство товаров гражданского назначения, который оказался достаточно весомым [22].

Обе реформы — конверсия и кооперация, — по замыслу их разработчиков, должны были идти параллельно. Но правительство не смогло просчитать последствия преобразований как в области конверсии, так и на уровне финансирования ДПП, а закон о кооперативах окончательно разрушил складывавшуюся десятилетиями советскую экономическую систему, в том числе и региональную. Но правительство продолжало рыночные преобразования в социально-экономических отношениях и путём приватизации государственного имущества.

В 1996 г. правительство Б.Н. Ельцина приняло новую программу «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996—2005 гг.», получившую статус президентской. Её главной задачей было стабилизировать экономику на основе разработки и экспорта природных ресурсов, на что планировалось выделять немалые средства. В самой программе просматривалась идея прорыва в развитии территории, уходящая корнями в 1990 г., когда ещё советское правительство пыталось создать особые экономические зоны — «Находка» (Приморский край), «Сахалин» (Сахалинская область) и «Ева» (ЕАО) [15, с. 818]. Однако в силу финансовых трудностей, когда денег не хватало даже на важнейшие

³ Например, В.А. Рябошапка и В.А. Вторушин, анализируя термин «конверсия», отмечают его многозначность, приходят к выводу, что конверсия — это «процесс, включающий в себя комплекс финансовых, экономических, организационных, технических мер перевода военной промышленности частично или полностью на выпуск народнохозяйственной продукции с изменением при этом пропорций распределения ресурсов между военной и гражданской сферами в пользу последней» [22].

социальные выплаты (пенсии, детские пособия, заработные платы), федеральное финансирование программы в 1997 г. составило около 2–3% от запланированного уровня [23, с. 238]. Как и программа 1987 г., программа 1996 г. осталась нереализованной. Что касается создания СЭЗ, то реалии тех лет — недостаток государственного финансирования, отсутствие иностранных инвесторов, неповоротливость бюрократической системы в вопросах льготного налогообложения и дефолт 1998 г. — сделали невозможными реализацию этого проекта [16; 17].

Реформаторский курс приватизации и рыночных реформ правительств под председательством Е. Гайдара, А. Чубайса, В. Черномырдина, реализуемый без учёта региональных особенностей, привёл к кризису важнейших дальневосточных отраслей экономики — горнорудной, сельскохозяйственной, а также ЖКХ и социальной сферы.

В наиболее трудном положении оказались предприятия ВПК. Первоначальной задачей конверсии оборонного машиностроения Дальнего Востока было резкое сокращение военного заказа при сохранении оборонного потенциала и диверсификации гражданского производства, что на практике способствовало их разрушению. В Амурской области предприятия в 1995 г. не производили оборонную продукцию. В Приморье в 1995 г. объём военных заказов по предприятиям ВПК сократился на 71% к уровню 1991 г., при этом доля оборонного машиностроения в объёме производства машиностроения и металлообработки края составила 48% (1994 г.) [4, с. 16]. Многие приморские предприятия, особенно специализировавшиеся на ремонте военных и гражданских морских судов (в Славянке, Находке, Дунае, Владивостоке), оказались закрытыми. Аналогичная картина была на Камчатке, Сахалине, в Амурской области и Хабаровском крае.

Закрытие предприятий ВПК и резкое снижение заказов «оборонки» стали причиной ощутимого ухудшения материального положения населения, проживавшего в городах и посёлках городского типа, в которых доля предприятий военпрома была значительной. Зарплата не только теряла свою платёжеспособность, но и месяцами не выдавалась значительной части работающего в бюджетных организациях или на госпредприятиях населения. Например, в 1992—1994 гг. на заводах «Восток» и «Звезда» (г. Большой Камень Приморского края) по полгода не получали зарплату 7 тыс. работников [10, с. 136]. В ноябре 1996 г. долг российского правительства по зарплате «корабелам» Приморья составил 26 млрд руб. [14], перед заводом «Прогресс», выпускающим знаменитые вертолёты «Чёрная акула» и «Аллигатор», за 11 месяцев (с марта 1996 по январь 1997 г.) — 50 млрд руб. [6].

Акции протеста, голодовки врачей, учителей, шахтёров, массовые хищения сопровождали повседневную жизнь региона в те годы⁴. Как вспо-

⁴ Многочисленные рассказы об этом были получены в ходе четырёх экспедиций сотрудников Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН в южной части Дальнего Востока в 2014—2015 гг.

минают жители, «в 1990-е гг. на заводах „Звезда“ и „Восток“ зарплату не платили месяцами. Чтобы хоть как-то выжить, работники расхищали металл в открытую. Воровали не только простые работяги, но и начальники. В те годы говорили, что с завода можно вывезти подложку за 100 долларов. Ворованный металл относили в пункты приёма металлолома, там давали деньги, хоть и небольшие, но на них можно было купить продукты» [АОСПИ. Интервью с Анатолием Н., 1960 г.р., июнь, 2015 г., г. Большой Камень Приморского края].

Реформы 1990-х гг. создали условия для широкого распространения браконьерства в рыбной и лесной отраслях. За 1990—1996 гг. удельный вес обрабатывающего сектора уменьшился с 31% до 13%, но при этом объём экспорта вырос с 118 млн до 1254 млн долл., т.е. более чем в 10 раз. В структуре экспорта преобладали сырьевые ресурсы — рыба и морепродукты, лес и лесоматериалы, руды и концентраты цветных металлов, бор-содержащее сырьё [27, с. 183].

На Дальнем Востоке последствия конверсии проявились в падении производства не только на предприятиях ВПК, но и других отраслей. Уже во второй половине 1980-х гг. обозначилась тенденция к снижению производства промышленной продукции в регионе. Например, если в 1985 г. в структуре продукции региональных предприятий доля машиностроения и металлообработки составляла 19,9%, то в 1991 г. — 15,3%, лесной промышленности — соответственно 9,7% и 9,2%, пищевой — 32,6% и 31,8% [15, с. 816].

Угольная отрасль в 1990-х гг. оказалась в наихудшем положении: закрылось большое число шахт и разрезов. На Дальнем Востоке запасы угля составляли около 40% от общероссийских [7, с. 156]. Например, в 1988 г. на долю Приморского края приходилось до 30% добываемого на Дальнем Востоке угля. Добыча велась на 4 разрезах и 17 шахтах — в Партизанке, Лучегорске, Новошахтинске и др. [11, с. 196]. Акционирование угольной отрасли и снижение господдержки стали причиной закрытия дальневосточных шахт. Кризис угольной отрасли сопровождался акциями протеста шахтёров в 1994—1998 гг. Последствием реформ стала безработица.

Главной реформой, которая повлияла на характеристики безработицы, стала приватизация, приведшая к разрушению созданного в советский период производственного потенциала. В результате приватизации государственной собственности трансформировались организационно-правовые условия хозяйствования, определяющие стратегию поведения предприятий [4]. В первое десятилетие либерально-радикальных реформ повсеместно шла продажа имущества предприятий по «бросовым» ценам. Так, рыболовецкие компании и Тихоокеанский флот стали активно продавать суда и военные корабли (включая высокотехнологичные) в Китай, как говорили в те годы, «на гвозди», т.е. по цене металлолома. Аналогичная ситуация имела место и на предприятиях стратегического

значения — военпрома, химпрома и проч. Напомним, что ещё в начале 1990-х гг. в регионе действовали военные «литерные» заводы: во Владивостоке, например, 50-й и 178-й. За короткое время не стало судоремонтных заводов в Славянке, Находке, в Большом Камне — заводов «ЭРА» и «Восток», в Хабаровске — «Амуркабель», в Уссурийске — танкового завода и т.д.

В 1990-е гг. темпы падения производства гражданской продукции, производимой ранее предприятиями ВПК региона, опережали темпы падения выпуска военной продукции: например, в Приморском крае до 1995 г. — почти в два раза [4, с. 16]. На грани исчезновения оказались заводы «Звезда» (г. Большой Камень), «Прогресс» (г. Арсеньев), авиационный завод им. Ю.А. Гагарина (г. Комсомольск-на-Амуре).

Прекратил своё существование Хрустальненский горно-обогатительный комбинат (пос. Кавалерово Приморского края), практически исчезли предприятия лёгкой промышленности — Артёмовская, Владивостокская, Уссурийская, Спасская швейные и обувные фабрики, фарфоровый завод во Владивостоке, предприятия пищевой промышленности — консервные заводы, рыбозаводы, а также совхозы, сельскохозяйственные и рыболовецкие колхозы.

В начале 1990-х гг. были списаны либо проданы на металлолом в Китай и Южную Корею наиболее боеспособные единицы ТОФ: тяжёлые авианесущие крейсера «Минск» и «Новороссийск», тяжёлый атомный ракетный крейсер «Адмирал Лазарев» (бывший «Фрунзе»), большие десантные корабли океанской зоны проекта «Носорог», все большие противолодочные корабли проекта «Беркут», 2/3 эсминцев УРО проекта «Сарыч», а также большой атомный разведывательный корабль «Урал» [5].

Диверсификация государственной собственности, становление предпринимательского сектора, основанные на создании арендных предприятий, кооперативов, малых предприятий, трансформировались в реальный передел государственной собственности. Руководство страны вынуждено было вмешаться в эту ситуацию. Практически все предприятия военпрома после акционирования, не утонувшие в конверсии и ещё оставшиеся на плаву после радикальных реформ, вернулись под государственный контроль — «Звезда», «Прогресс», авиационный завод им. Ю.А. Гагарина и др. Но по сравнению с советским периодом этот сектор экономики значительно сузился, и, как результат, численность занятых в этой сфере также значительно сократилась. Так, в Приморском крае в 1992 г. на предприятиях машиностроения и металлообработки было занято 90,2 тыс. чел., в 1999 г. — 47,6 тыс., а доля работников в этой отрасли от общей численности занятого населения в промышленности составила соответственно 33,8 и 28,0%. В Хабаровском крае данные показатели составляли в 1990 г. — 101,6 тыс. чел. (45%), 1998 г. — 41,3 тыс. (34,6%), в Камчатской области в 1991 г. — 8,6 тыс. (15,5%), 1999 г. — 4,2 тыс. чел. (12,6%) [19, с. 86—89].

Что касается естественных монополий, то власть на уровне либо субъектов Федерации, либо муниципалитетов вынуждена была взять их под контроль через выкуп определённого процента акций. В результате этого сократилось количество таких предприятий. Также изменилась численность их сотрудников: например, в 2001 г. на Дальнем Востоке по сравнению с 1995 г. количество трудившихся на таких предприятиях снизилась в два раза как в абсолютных, так и в относительных показателях (с 844,2 в 1995 г. до 402,8 тыс. чел. в 2001 г. и с 24,8 до 12,3% в отраслевой структуре соответственно) (табл. 1).

Таблица 1

**Структура среднегодовой численности занятых по отраслям экономики
Дальнего Востока* в 1995—2001 гг.**

Отрасли	Численность, тыс. чел.		Доля работников от общей численности занятых в промышленности (%)	
	1995 г.	2001 г.	1995 г.	2001 г.
Промышленность	676,9	576,8	22,3	20,2
Сельское хозяйство	250,2	187,0	9,5	7,1
Лесное хозяйство	15,6	15,1	0,5	0,5
Строительство	265,0	173,3	9,1	6,3
Транспорт	326,4	251,7	11,0	8,9
Связь	49,9	52,9	1,7	1,9
Оптовая, розничная торговля	319,7	544,3	11,4	18,1
ЖКХ, непроизводственные виды бытового обслуживания населения	152,9	159,0	5,6	5,9
Здравоохранение, физкультура, социальное обеспечение	204,8	204,1	7,1	7,4
Образование	287,3	256,2	10,5	10,1
Культура и искусство	48,7	50,5	1,8	2,0
Наука и научное обслуживание	26,1	20,1	0,9	0,7
Другие отрасли	243,0	306,2	8,6	10,9
Итого	2866,5	2797,2	100,0	100,0

* Вместе с Якутией.

Сост. по: [20, с. 78—79, 82—83].

Сокращение производства негативно сказалось на численности занятых в экономике региона в целом. Если в 1990 г. в среднем за год она составляла 3450 тыс. чел., то в 1995 г. — 2867,9 тыс., а в 2001 г. — 2754,3 тыс. чел. Наиболее резко численность занятых упала в 1991 г. на таких территориях, как Магаданская область (91,6% от уровня 1990 г.), Хабаровский край (93,9%) и Камчатская область (93,1%). В целом по региону ситуация начала исправляться с 1999 г. Адаптация дальневосточного общества к рыночным преобразованиям сопровождалась ростом занятых

в семи из девяти дальневосточных субъектов, исключением стали Амурская и Камчатская области, где продолжалось падение. Это было связано с оттоком трудоспособного населения, что будет рассмотрено ниже.

Одновременно росла безработица. Если в 1992 г. на Дальнем Востоке насчитывалось 204,3 тыс. чел. безработных, то в 2001 г. — 338,4 тыс. чел. [20, с. 78—79]. На Дальнем Востоке была высокой доля мужского труда, что объяснялось отраслевой специализацией региона. Кризис в отраслях, в которых доминировал мужской труд, обусловил преобладание мужчин среди безработных. В структуре незанятого в экономике населения (вместе с Якутией) в 2001 г. численность безработных мужчин составляла 204,1 тыс. чел., женщин — 174,3 тыс. [20, с. 82—83]. За десятилетие Дальний Восток превратился из трудодефицитного в условно трудоизбыточный регион, поскольку другие сферы экономики по-прежнему нуждались в кадрах.

По уровню образования среди безработных на долю лиц с высшим образованием приходилось 10,2%, неполным высшим — 2,6%, средним профессиональным — 27%, начальным профессиональным — 10,5%, средним полным — 29,8%, основным общим — 18,3%, начальным общим и не имеющих образования — 1,7% [25, с. 73, 98, 99, 103, 111].

Уровень образования безработных граждан отражал последствия специфической занятости трудоспособных граждан в регионе в советский период, когда потребность экономики в кадрах со средним и средним профессиональным образованием была высокой, а также степень востребованности работников по уровню образования на рынке труда в условиях радикальных реформ.

Особенностью дальневосточной безработицы было отсутствие напряжения на рынке труда. В 1993 г. в расчёте на одну вакансию приходилось 2,0 чел. не занятых, зарегистрированных в государственных органах, в 2001 г. — 3,2 чел. Сложившаяся ситуация являлась результатом политики по обеспечению экономики рабочими местами предшествующего правительства. Уже в 1985 г. в стране количество рабочих мест превышало численность трудовых ресурсов на 15% [2, с. 141]. Иными словами, реформы конца 1980-х — начала 1990-х гг. способствовали установлению баланса между рабочей силой и количеством рабочих мест.

В начале 1990-х гг. в регионе сохранялась модель наибольшей занятости населения в промышленности. В этой отрасли работало 26% от всех занятых в экономике Дальнего Востока [29, с. 430]. Высокий процент занятых наблюдался на предприятиях добывающих отраслей — рыбной, лесной, деревообрабатывающей, горно-химической и цветной металлургии и предприятиях оборонно-промышленного комплекса, что было обусловлено большим количеством предприятий этой отрасли (по состоянию на 1990 г. в структуре машиностроения и металлообработки предприятия ОПК составляли 47%). Например, в Приморском крае в канун приватизации в военно-промышленной сфере работало

40—45 тыс. чел. [8, с. 122]. В моногородах края — Арсеньеве, Большом Камне и др. — практически половина из числа трудоспособного населения работала на предприятиях ВПК [10, с. 136]. Тем не менее позднесоветские реформы, разрушавшие производственные отношения советского типа, начали изменять и структуру занятости постсоветского общества [9, с. 31].

Появление кооперативов (самоорганизованных коллективных и индивидуальных предприятий), рост частной собственности, закрытие многих производств, скрытая безработица, низкая заработная плата, не способная обеспечить первичные потребности семьи работающего, вкупе с многомесячными её задержками в бюджетных отраслях — всё это стало причиной отраслевого перераспределения рабочей силы, что подтверждается данными табл. 1. Например, из сельского хозяйства механизаторы переходили в лесодобывающую отрасль, где зарплаты были выше. Технические специалисты — инженеры, слесари, токари и др. — стали развивать авторемонтный бизнес, чему способствовало быстрое увеличение количества японских подержанных автомобилей в регионе. Бюджетники социальной сферы — врачи, учителя и др. — осваивали «челночный» либо сетевой бизнес (например, сеть по продаже продукции «Гербалайф»).

Данные табл. 1 отражают процесс перераспределения кадров из традиционных отраслей занятости (промышленности, сельскохозяйственного сектора, строительства, образования, науки) в отрасли услуг (связь, ЖКХ, торговлю, бытовое обслуживание и др.). За 7 лет (с 1995 по 2001 г.) в первой группе отраслей численность занятых сократилась на 20,7% (с 1896,2 тыс. чел. до 1530,7 тыс. чел.), доля занятых в этих отраслях в экономике снизилась с 65,6 до 55,9%.

Тенденция перераспределения кадров из промышленности, сельского хозяйства, науки и образования в сферу услуг проявилась ещё в советский период под влиянием развития предприятий торговли и бытового обслуживания — столовых, кафе, швейных ателье, парикмахерских, образовательных учреждений и учреждений культуры, что сделало востребованным женский труд. Обозначившийся дефицит некоторых групп товаров делал работу продавца или работника столовой (кафе, ресторана) престижной. Свою лепту внёс научно-технический прогресс, благодаря которому появились новые рабочие места на транспорте, в сфере связи и прочих сферах занятости.

Однако радикальные реформы в совокупности с техническими новациями привели к развитию других процессов. Быстро росло число предприятий сферы услуг и ЖКХ, чему способствовала приватизация (акционирование предприятий, поставляющих в многоквартирные дома электричество, холодную, горячую воду, тепло).

Бизнес стал предоставлять культурно-образовательные услуги. Массовое закрытие детских садов, вызванное падением рождаемости и сокращением бюджетного финансирования, обусловило появление платных образовательных учреждений — детсадов, школ, лицеев и колледжей.

Развивались платные медицинские услуги. Росла численность занятых в сфере связи, что объяснялось появлением на рубеже XX—XXI вв. новых видов телекоммуникации (пейджеров, сотовых телефонов) и обслуживающих их структур.

Новые виды предприятий, возникшие на основе развивающейся частной собственности, становились регулятором рынка труда. Если в 1993 г. потребность Дальнего Востока в кадрах по всем отраслям экономики составляла 20 434 чел., то в 2001 г. — 32 035 [20, с. 113].

Вышедший в 1987 г. закон «О государственном предприятии» разрешил предприятиям вести международную экономическую деятельность. Особенность реализации данного закона состояла в том, что торговые сделки могли быть только бартерными. Реформы 1990-х гг. создали армию новых безработных или временно не получавших зарплату и породили новое явление в дальневосточном сообществе — «челночество». Успех данного вида трудовой деятельности был обусловлен несколькими факторами: запросом общества на ликвидацию товарного дефицита, особенно товаров повседневного спроса, небольшой суммой требующихся вложений в «челночный» бизнес (примерно 500—1000 долл. США) и их быстрой окупаемостью, близостью Китая⁵, что позволяло не тратить много времени на дорогу. «Челночество» как специфический вид занятости не требовало особого уровня образования и квалификации.

Первые владивостокские и уссурийские «челноки» 1990—1991 гг. начинали с того, что в Китай везли утюги и чайники, оттуда возвращались с козьими шубами⁶. В целом ассортимент ввозимых товаров был достаточно широк. Подавляющую часть дальневосточных «челноков» составляли женщины.

Небольшие инвестиции в «челночный» бизнес и постепенное ограничение по весу и сумме ввозимых товаров на одного человека (с 50 кг до 35 кг и с 1000 до 500 долл. США) оказали влияние на рождение другого явления — «помогаек». Это были в основном пенсионеры и студенты, которые провозили через границу товары для лиц, имевших торговые точки, где реализовывался китайский ширпотреб.

По аналогичному сценарию развивался и другой вид бизнеса — ввоз подержанных японских автомобилей. Но в отличие от «челночества» им занимались в основном мужчины, здесь «крутились» *другие* деньги (от 3000 долл. США и более) и требовались другие знания, прежде всего

⁵ Из Владивостока до приграничного китайского города Суйфэнхэ можно доехать за 4 часа, из Уссурийска — за 2 часа, из Благовещенска через Амур в китайский Хэйхэ — за 20—30 мин.

⁶ По рассказам первопроходцев «челночного» бизнеса — Игоря К., Татьяны К., Александры Е. и др., при затратах на покупку названных электротоваров в 200—250 руб. они получали 700—800 руб. В 1990-е гг. в таких городах, как Владивосток, Уссурийск, Хабаровск, Благовещенск, быстрыми темпами начали расти китайские рынки, ставшие в 1991—1992 гг. конкурентами советским барахолкам [АОСПИ. Интервью с И.К., Т.К., А.Е., г. Владивосток].

технические. Моряки заграничавания и рыбаки, оставшиеся без работы (либо в промежутках между рейсами), а также уволенные с военной службы в вооружённых силах офицеры окунулись в этот бизнес. Местом реализации «японок» стали авторынки, самый крупный из них — «Зелёный угол» — находился во Владивостоке на месте существовавшей в 1970-е гг. барахолки. 1990-е гг. называют золотым временем для российского «челнока», в том числе автомобильного бизнеса.

В совокупности в 1995 г. в сфере торговли на территории Дальнего Востока было занято 319,7 тыс. чел., в 2001 г. — 544,3 тыс., т.е. прирост составил 70,2%, отраслевая доля занятых в торговле выросла с 11,4 до 18,2% (табл. 1). В отличие от бюджетной и производственной сферы в торговле заработную плату платили без задержек.

Реформы 1990-х гг. способствовали развитию нового вида трудовой деятельности — посреднической. Наиболее востребованными оказались рекрутинговые, риелторские конторы и фирмы, помогавшие оформить заграничный паспорт и паспорт моряка. Например, возникновение рекрутинговых фирм было связано с появлением запроса на трудоустройство безработных. У дальневосточников складывалось иллюзорное мнение, что с поиском для них высокодоходной работы частные компании справятся лучше, чем государственная служба занятости населения. На самом деле эти компании были ограничены в своих возможностях из-за состояния экономики и рынка труда. Лучше всего у них получалось трудоустроить моряков и рыбаков, но не на российские суда, а на суда под «удобным флагом». Параллельно они занимались оформлением заграничных паспортов и паспорта моряка [АОСПИ. Интервью с Ириной С., Ритой А., г. Владивосток⁷].

Закон о приватизации жилищного фонда способствовал появлению новых рыночных структур — риелторских компаний. Купля-продажа жилья требовала знаний, которых у подавляющей части населения не было. К тому же подобные сделки всегда сопровождаются риском потери как жилья, так и денег, а участие риелтора является своего рода гарантией безопасности. Другим направлением риелторской деятельности стала сдача жилья в коммерческую аренду, что не допускалось в советское время. Для советского периода этот рынок услуг был «чёрным» [АОСПИ. Интервью с риелтором Ольгой К., г. Владивосток⁸]. Реформы и приватизация позволили перейти ему из нелегального в легальный сектор, хотя до сих пор он остаётся «серым»⁹.

Появление новых коммерческих структур в сфере оказания различного рода услуг — от бытовых до посреднических — изменило соотношение

⁷ По воспоминаниям Ирины С., Риты А., их мужья в 1990-х гг. пользовались услугами рекрутинговых компаний.

⁸ В начале 1990-х гг. О. К. работала в агентстве недвижимости «Аском», в начале 2000-х гг. — в агентстве «Фолиант» (г. Владивосток).

⁹ Об этом свидетельствуют малоуспешные попытки государства обязать лиц, сдающих жильё в коммерческий наём, платить налоги.

занятости населения в государственном и частном секторе экономики. Если в 1990 г. в региональном государственном секторе было трудоустроено всё занятое население, то в последующие годы начался переток кадров в частный сектор. К 1996 г. более 77% объёмов производства и более 80% численности промышленно-производственного персонала Дальнего Востока приходилось на предприятия с частной формой собственности [4, с. 13].

В 1995 г. в госсекторе было задействовано 1631,8 тыс. чел., в 2001 г. — 1464,6 тыс., в общей структуре занятых по формам собственности в государственном и муниципальном секторах в 1995 г. трудилось 47,9, а в 2001 г. — 44,8% (табл. 2).

Таблица 2

Структура среднегодовой численности занятых в экономике Дальнего Востока по формам собственности в 1995—2001 гг.

Предприятия по формам собственности	Чел., тыс.		%	
	1995 г.	2001 г.	1995 г.	2001 г.
Всего	3405,7	3271,0	100,0	100,0
Государственная, муниципальная собственность	1631,8	1464,6	47,9	44,8
Частная собственность	892,8	1328,8	26,2	40,6
Собственность общественных и религиозных организаций	14,7	17,9	0,4	0,5
Российская смешанная собственность	844,2	402,8	24,8	12,3
Иностранная, совместная российская и иностранная собственность	22,2	56,9	0,7	1,7

Сост. по: [20, с. 85—86, 88].

В те же годы численность занятых в частном секторе выросла с 892,8 тыс. до 1328,8 тыс. чел., или с 26,2 до 40,6%. На смену кооперативам, не являвшимся по действующему до конца 1995 г. советскому законодательству частными предприятиями, пришли закрытые и открытые акционерные общества (ЗАО, ОАО), общества с ограниченной ответственностью (ООО), индивидуальные частные предприятия (ИЧП) и частные предприниматели (ЧП). В таких отраслях, как торговля, сфера услуг (в том числе и ЖКХ, связь), в которых бизнес отличался активностью, было занято в 1995 г. — 34,4%, в 2001 г. — 44,1% (табл. 2).

Для рассматриваемого периода характерно перераспределение трудовых ресурсов в пользу предприятий с иностранным и совместным российско-иностраным капиталом, появившихся благодаря государственной инициативе по развитию международной торговли и грузоперевозок, добыче природных ресурсов — леса и рыбы. Численность занятых на таких предприятиях выросла более чем в два раза в абсолютных и долевыми показателях (с 22,2 до 56,9 тыс. чел. и с 0,7 до 1,7% соответственно), но

в целом численность дальневосточников, работавших на предприятиях с этой формой собственности, незначительна (табл. 2).

Другая ситуация складывалась на предприятиях со смешанной формой собственности — государственной и частной с российским и/или иностранным капиталом. Приватизация государственного сектора экономики в 1992—1995 гг., по замыслу её организаторов, должна была создать управленца, способного в рыночных условиях вывести предприятие из кризиса и придать ему новый импульс развития. На практике вместо развития предприятий в новых условиях многие руководители стремились к личному обогащению.

В 1990-е гг. так же быстро, как и число предприятий частного сектора, увеличивалось количество общественных и религиозных организаций, что было обусловлено открытостью России зарубежным фондам, свободой вероисповедания и расширением благотворительной деятельности. С 1995 по 2001 г. рост численности занятых в этой сфере составил 21,7% (с 14,7 до 17,9 тыс. чел.), в общей структуре занятости приходилось 0,4% в 1995 г. и 0,5% в 2001 г. (табл. 2).

Реформы 1990-х гг. не только уменьшили численность работников в государственном секторе экономики, но и обусловили перераспределение кадров по отраслям и предприятиям разных форм собственности. С введением в действие Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», указов президента РФ, направленных на стабилизацию работы промышленного комплекса РСФСР, в условиях экономических реформ в 1991 г. госпредприятия получили право на полное хозяйственное ведение имуществом, находящимся на их балансе. Передача основного капитала в полное хозяйственное ведение ослабило координирующую, регулирующую и контролирующую роль центра, министерств при сохранении государственной формы собственности. Это означало диффузию государственной собственности, фактическую её передачу отдельным группам. В 1991 г., накануне реформы, процесс дробления госпредприятий проходил максимально активно. Прирост количества предприятий государственного сектора составил по сравнению с 1990 г. от 50 до 90% по отдельным краям и областям Дальнего Востока. Реального перераспределения юридических прав собственности на данном этапе не отмечалось. Доля частных предприятий в промышленности региона к началу приватизации составляла 1,5% [4, с. 11].

Переход к рыночным отношениям обусловил и изменения в уровне образования занятого населения (табл. 3).

В начале 2000-х гг. среди занятых в экономике Дальнего Востока каждый третий имел среднее профессиональное образование, каждый четвёртый — высшее, каждый пятый — полное общее образование. Это выше средних показателей по РСФСР в области высшего, неполного высшего и среднего профессионального образования и ниже — в области общего, неполного общего, начального уровня образования. Как нам

Таблица 3

**Структура занятых в экономике Дальнего Востока (вместе с Якутией)
по уровню образования в 2001 г. (%)**

Уровень образования	% к числу занятых в экономике Дальнего Востока	Минимальные и максимальные значения доли лиц с уровнем образования, занятых в экономике Дальнего Востока в сравнении с РСФСР
Высшее профессиональное	23,8	РСФСР – 22,6
		Магаданская область – 28,4
		ЕАО – 15,0
Неполное высшее профессиональное	2,7	РСФСР – 2,5
		Камчатская область – 3,8
		Чукотский автономный округ – 1,7
Среднее профессиональное	33,8	РСФСР – 31,3
		Чукотский автономный округ – 39,0
		ЕАО – 29,2
Начальное профессиональное	11,1	РСФСР – 11,6
		Чукотский автономный округ – 16,6
		Хабаровский край – 6,2
Среднее (полное общее)	20,6	РСФСР – 23,4
		Амурская область – 25,9
		Приморский край – 18,6
Основное общее	7,4	РСФСР – 7,6
		ЕАО – 16,4
		Чукотский автономный округ – 4,0
Начальное общее, не имеют начального образования	0,6	РСФСР – 1,1
		ЕАО – 2,3
		Приморский край, Хабаровский край, Магаданская область – 0,4

Сост. по: [20, с. 93].

представляется, отраслевая специализация Дальнего Востока (ВПК, рыбная промышленность, добыча и обработка драгоценных и редкоземельных металлов и камней) требовала специалистов соответствующей квалификации. Согласно исследованиям, например, в военном производстве РФ в начале 1990-х гг. было занято около 10% промышленных рабочих (из них 20% квалифицированных) и 40–50% учёных и инженеров [22]. Этим объясняется более высокая, чем в среднем по стране, доля лиц с высшим, неполным высшим и средним специальным образованием в Приморье, Хабаровском крае, на Сахалине и Камчатке, где сконцентрированы заводы по строительству и ремонту военных кораблей, самолётов и вертолётов. Ещё одной причиной этой ситуации является более молодой средний возраст населения региона.

Наибольший процент лиц с высшим образованием среди занятого населения зафиксирован в Магаданской области (28,4%), Приморском и Хабаровском краях (по 27,9%), а специалистов со средним специальным образованием — в Амурской (36,5%) и Камчатской (36,2%) областях [20, с. 93]. Уровень образования находился в определённой зависимости от уровня социально-экономического развития территории: чем выше численность населения и промышленное развитие в крае/области, тем выше доля лиц с более высоким образовательным уровнем (Приморский край, Хабаровский край, Магаданская область).

На качественные показатели трудового потенциала оказала влияние миграция населения. Невостребованность вчерашних военных, шахтёров, инженеров, представителей рабочих профессий стала причиной не только отраслевого, но и территориального перераспределения населения и трудовых ресурсов. Социально-экономические процессы, отражавшие трансформацию трудовых ресурсов и трудового потенциала, шли параллельно с демографическими процессами. Кроме резкого снижения рождаемости и быстро растущей смертности среди дальневосточников, ситуацию усугублял отток населения. За 1991—2001 гг. численность населения Дальнего Востока сократилась с 6944 тыс. до 6121 тыс. чел., или на 823 тыс. чел. (11,86%), а численность экономически активного населения — с 3752 тыс. до 3234 тыс. чел. (13,8%) [20, с. 31; 21].

Таким образом, в конце 1980 — начале 1990-х гг. правительство инициировало проведение трёх реформ — конверсию, кооперативную реформу и приватизацию, оказавших значительное влияние на качественные и количественные характеристики трудовых ресурсов Дальнего Востока. Конверсия привела к значительному сокращению как военного, так и гражданского производства на предприятиях ВПК, доля которых в экономике региона занимала одно из ведущих мест. Реформа возрождения кооперативов, во-первых, дала толчок развитию предприятий сферы услуг, что обусловило перераспределение трудовых ресурсов из производственной сферы в непроизводственную; во-вторых, стала предвестником появления частной собственности. Приватизация положила начало развитию института частной собственности и разрушению производственных отношений советского типа.

Последняя реформа способствовала быстрому увеличению предприятий-посредников и предприятий сферы услуг, а также оказала значительное влияние на перераспределение кадров из государственного сектора экономики в бизнес — преимущественно из государственных производственных предприятий в частную непроизводственную сферу (торговлю, общественное питание, образование, связь и проч.). Обратной стороной реализации этих реформ стало не только сокращение производства в целом во всех отраслях экономики Дальнего Востока, но уменьшение численности трудовых ресурсов, в том числе по причине оттока населения с Дальнего Востока.

Программа развития Дальнего Востока 1996 г. оказалась неспособной вывести регион из социально-экономического кризиса и остановить отток населения. Перераспределение населения из одного сектора экономики в другой, а также переезд населения преимущественно трудоспособного возраста в другие российские регионы в 1990-е гг. превратились в отягчающий фактор выполнения ФЦП 1996 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безруков И.С. Дальний Восток на пути к рынку труда. URL: https://abc.vvsu.ru/books/m_fareast2ml/page0011.asp (дата обращения: 23.10.2018).
2. Близнюкова Л.А. Изменение представлений о политике формирования занятости в условиях радикальной перестройки экономики // Демографическое развитие Дальнего Востока и формирование его трудового потенциала: сб. науч. трудов. Владивосток: ДВО РАН, 1991. С. 136—152.
3. Бунич А.П., Гуров А.И., Корягина Т.И. и др. Теневая экономика. М., 1991. 160 с.
4. Гудкова Е.В. Развитие машиностроения Дальнего Востока в условиях экономической реформы: автореф. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 1997. 26 с.
5. Дегтярный Ю. Звезда надежды. URL: <https://flot.com/nowadays/concept/reforms/starofhope.htm> (дата обращения: 05.12.2018).
6. Директора «краснеют» от таких реформ. URL: https://vladnews.ru/ev/vl/101/84092/direktora_krasneyut (дата обращения: 16.10.2013).
7. Жуков А.В., Кусраева Д.Э., Жукова Ю.А., Шмелев А.А., Умаров М.С. Состояние, проблемы и основные направления глубокой химической переработки угля для создания конкурентоспособной продукции и нового поколения высокоэффективных энергоносителей в регионах дальневосточного федерального округа // Успехи современного естествознания. 2016. № 12-1. С. 154—161.
8. Колесниченко К.Ю. Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 3. С. 116—125.
9. Кравченко С.А. Гуманистически ориентированная модернизация: востребованность преобразований адекватных чаяниям россиян // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 12. М.: Новый хронограф, 2014. С. 21—41.
10. Крушанова Л.А. Процессы модернизации моногородов Приморского края в 1990-е годы (на примере ЗАТО Большой Камень и ЗАТО Фокино) // Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России: сб. науч. статей. Владивосток: Рея, 2014. С. 131—139.
11. Маклюков А.В. Реструктуризация угольной промышленности на Дальнем Востоке в середине 1980-х — начале 2000-х гг. (на примере угольных предприятий г. Партизанска) // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 196—201.
12. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
13. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX — начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006. 348 с.

14. Москва выделила деньги — оборонщики края недовольны. URL: https://vladnews.ru/ev/vl/21/73847/moskva_vydela (дата обращения: 16.09.2013).
15. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5).
16. Федеральный закон от 31 мая 1999 г. N 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/12115795/#friends#ixzz4wBAbceL7> (дата обращения: 18.01.2018).
17. Паспорт проекта Федерального закона № 98053799-2 «Об особых экономических зонах Байкало-Амурской железнодорожной магистрали». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=7438&rnd=290511.1213312698#0> (дата обращения: 20.12.2018).
18. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.08.1987 № 958 «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=8315&req=doc#044141140789243427> (дата обращения: 27.11.2018).
19. Прокапало О.М. Региональная социально-экономическая динамика: Дальний Восток и Забайкалье. Хабаровск: РИОТИП, 2003. 256 с.
20. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2002. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 29.01.2019).
21. Россияне бегут с Дальнего Востока. URL: <https://news.mail.ru/politics/36108148/?frommail=1> (дата обращения: 28.01.2019).
22. Рябошапка В.А., Вторушин В.А. О проблеме конверсии оборонных отраслей промышленности в СССР // Военная мысль. 1990. № 9. С. 29—33. URL: <http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/1990-vm/8331-o-probleme-konversii-oboronnyh-otraslej> (дата обращения: 26.09.2018).
23. Савченко А.Е. Почему программы развития Дальнего Востока не работают? // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Вып. 4. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. С. 237—241.
24. Сколько власти СССР зарабатывали на продаже алкоголя. URL: https://news.rambler.ru/other/38881457/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=corylink (дата обращения: 14.12.2018).
25. Социально-экономические показатели по регионам Российской Федерации. 2002 г.: стат. сб. М.: Госкомстат, 2002. 863 с.
26. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. URL: http://www.city-strategy.ru/UserFiles/Files/Strategy%20DVFO_2025.pdf (дата обращения: 18.03.2018).
27. Фокин Н.И. «Голландская болезнь» экономики российского Дальнего Востока // Известия Восточного института. 1999. № 5. С. 179—185.
28. Фокина С.Н. Антиалкогольная кампания и её итоги // Новая наука: проблемы и перспективы. 2015. № 3. С. 89—93.
29. Экономическая география России. М.: ИНФРА-М, Российская экономическая академия, 1999. 533 с.
30. АИЭИ (Арх. Института экономических исследований ДВО РАН).
31. АОСПИ (Арх. отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН).